

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ,
ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

УДК 81-13

DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.3.171-196

**«БОЖЕСТВЕННОЕ» ПРОИСХОЖДЕНИЕ
РЯДА СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА**

С.Ю. Петров

sypetrov@mail.ru

Технический переводчик, г. Омск, Россия

Аннотация. В рамках данной статьи рассматривается словарная семантика лексем *дева*, *дочь*, *невеста*, приводимая в существующих отечественных и иностранных этимологических словарях. Актуальность темы определяется известной неудовлетворительностью и устарелостью имеющихся этимологизаций этих слов, а также недостаточно точной словарной глоттохронологической методологией. На основании применения явления диссимилиации звуков [д/н] и теории чередования матерей чтения автор предпринимает попытку собственного определения их реальной этимологии.

Ключевые слова: бог, воздавать, давать, дева, диссимилиация, дочь, невеста, индоевропейская теория, теория чередования матерей чтения, этимология.

Для цитирования: Петров С.Ю. «Божественное» происхождение ряда слов русского языка. *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 3(3): 171–196.

**“DIVINE” ORIGIN
OF SOME RUSSIAN WORDS**

S.Y. Petrov

sypetrov@mail.ru

Technical translator, Omsk, Russia

Abstract. Semantics of the Russian words *дева* ‘a maid, a girl, a virgin’, *дочь* ‘a daughter’, *невеста* ‘a bride’ existing in Russian and foreign etymological dictionaries is examined in the article. The relevance of the topic is determined by inadequacy and obsolescence of the existing etymologies of the words, as well as by insufficient glottochronology. On the basis of the application of the phenomenon of [d/n] sound dissimilation and the *matres lectionis* alternation theory the author makes an attempt to introduce his own etymology of the words under question in the light of this theory.

Keywords: бог (‘lord, god’), воздавать (‘render, give back’), давать (‘give’), дева (‘a maid’), дочь (‘a daughter’), невеста (‘a bride’), dissimilation, etymology, the Indo-European theory, the *matres lectionis* alternation theory.

For citation: Petrov S.Y. “Divine” origin of some Russian words. *Kazan Linguistic Journal*. 2020; 3(3): 171–196.(In Russ)

Разбор слова *дева* начнём с анализа имеющейся в словарях этимологии слова *невеста*. По поводу происхождения этого слова было, как в таких случаях говорят, сломано немало копий, но все этимологические словари русского языка единодушно сходятся в одном: слово происходит от «неведомая», «не ведающая», в слове однозначно выделяется отрицание «не» и корень со значением ‘знать, ведать, и такая этимология объявляется решённой.

Фасмер об этом говорит с полной уверенностью: «Лучшей по-прежнему остаётся стар. этимология, которая видит здесь первонач. знач. «неизвестная» (не+ведать), ср. в.-луж. *wěsty* «известный, определенный», *ńewěsty* «неизвестный» [14, с. 54–55].

В словаре П.Я. Черных также приводится этимология лексемы *невеста*, но от иных сем. Сразу оговариваясь, что в этимологическом отношении слово спорное, Павел Яковлевич сравнивает *невеста* с лат. *poverca* ‘мачеха’ (от *novus* ‘новый’) и предлагает иную гипотезу, без отрицания, – сложение двух корней *nev* + *ved*, **nev-ved-t-a*, как бы вновь вводимая (в род) женщина [15, с. 563–564]. В этом же смысле высказывается В.В. Мартынов о том, что невеста – та, кто приходит из другого рода (*nevěsta* < *neuois-ta* < *neu-oik-ta*, индоевропейский корень **oik-*, то есть ‘иного рода, неродная’), но русского, или общеславянского в этом русском слове здесь всё же недостаточно, в русском языке нет ничего похожего на **oik*/**oic* со значением «род».

Больше всех про *невесту* написал О.Н. Трубачёв. В семистраничной статье «**nevěsta*» в его «Этимологическом словаре славянских языков», в частности, говорится: «Слову **nevěsta* посвящена довольно большая... литература, причем авторы предлагают весьма разнообразные этимологич. объяснения, общим итогом чего может оказаться вывод, что **мы имеем дело с этимологически темным словом**» (выделено нами, – С.П.). Трубачёв считает, что «...из многих этимологий представляется целесообразным выбрать одну старую этимологию, согласно которой ***nevěsta* читается как довольно прозрачное в этимологическом (и словообразовательном) отношении слово, к тому же, хорошо мотивированное в плане этнопсихологии**» (выделено

нами, – С.П.), что не мешает ему одновременно цитировать Ф. Миклошича: «nevesta kann lautlich als die "unbekannte" gedeutet werden, was wieder sachlich nicht passt», (*фонетически невесту можно интерпретировать как «неизвестное», что опять же не соответствует действительности – перевод и курсив наш, – С.П.»*). Далее Трубочёв добавляет: «первонач. адъективность имени "nevesta = 'неизвестная'... совершенно очевидный факт наличия здесь сложения отрицания не- с прилаг. (причастного происхождения) *vestь от гл. *vesti, vedть, *vedeti. Эту "неизвестность" невесты необязательно понимать буквально (*а как тогда?* – С.П.) как якобы вытекающую из условий древнеродовой экзогамии, к чему склонны некоторые ранние исследователи» [17, с. 70–76].

Выводы по лексеме *невеста* расщеплены: при всей её этимологической «прозрачности» она признаётся тёмной.

То, что Олег Николаевич пишет далее, являет собой пример научного домысливания, а лучше сказать, домыслов, основанных на якобы прозрачной этимологии: «Речь, скорее, должна идти о некой "игре в неизвестность", – пишет он, – как то подсказывают нам "обряды молчания" по отношению к невесте, невестке в первые дни после вступления её в дом жениха, мужа, обычай обращаться с ней, как с незнакомым человеком – что интересно – *совершенно независимо от того, знали или не знали её раньше домочадцы мужа*» [17, с. 72].

Если неизвестность не важна, то зачем по этой неизвестности была названа невеста? Это всё равно, что деревяшку называть железкой *совершенно независимо от того из какого материала она сделана*. Определив «прозрачную этимологию», Трубочёв развивает своё выдумывание далее, размышляя об обряде молчания.

К сожалению, об обряде молчания у славян в отношении невесты нам не удалось найти ровным счётом ничего, but let me be refuted by the scrupulous reader.

Имеются данные об обряде скрывания невесты, который мог бы подразумевать некую неизвестность. Вот, что известно об этом обряде, бытовавшем в некоторых отдалённых районах России (на стыке нынешних Архангельской и Вологодской областей) в конце XIX начале XX вв., населённых чудью: «...Завершая свадебный обряд, он [отец жениха] выполняет ритуал «скрывания молодой»: снимает с ее головы и лица шаль, кладет в шапку мужа, подчеркивая этим жестом подчиненность ее положения. Молодая целует и одаривает сначала свёкра – «богоданного батюшку», а потом и свекровь, «богоданную матушку», и остальных членов новой, уже «своей» семьи [4].

Как видно, некий обычай существовал локально, вероятно, и не в одном месте, но это не даёт основания переносить его на общеславянское название новобрачной.

Касательно обычая умыкания невесты (если предположить её «неизвестность» ввиду умыкания чужой девушки из дальнего кишлака или аула) можно сказать следующее: у кочевников и народов всю свою историю живших набегами и грабежами, умыкание (читай, похищение человека), вероятно, и существовало. Такие обычаи издревле были в обиходе, но не на славянской почве. Например, в Книге Судей Израилевых, 21:19-22, описывается намерение восстановить утраченное колено Биньямина путём умыкания девственниц силомян: «вот, каждый год бывает праздник Господень в Силоме (ныне поселение Шилó)... И приказали сынам Вениамина и сказали: пойдите и засядьте в виноградниках, и смотрите, когда выйдут девицы Силомские плясать в хороводах, тогда выйдите из виноградников и схватите себе каждый жену из девиц Силомских и идите в землю Вениаминову; и когда придут отцы их, или братья их с жалобой к нам, мы скажем им: простите нас за них, ибо мы не взяли для каждого из них жены на войне, и вы не дали им; теперь вы виновны».

Об умыкании невест, как обычном явлении у земледельцев-славян, веками живших на одном месте оседло, нам слышать не приходилось (если не считать недостоверные по интерпретации и сомнительные по содержанию

заявления типа «а брака оу нихъ не бываше, но умыкиваху оу воды дѣвица» [9], в которых «оу воды» следует читать как «уводы», а не «у воды», а если речь не шла о браке, то о каких невестах можно вести речь?). Со своей будущей невестой славянскому жениху, как правило, хотя бы кратковременно всё же доводилось сталкиваться. Во всяком случае, неизвестность будущей супруги не была настолько выраженной и массовой, чтобы её по этой неизвестности называть.

Но того же мнения – невеста от «не ведать», – и прочие исследователи. Все, от лингвистов до психологов и этнологов, занимающихся изучением обрядов, в том числе свадебных, – объясняют слово *невеста* как неведомая, неизвестная. И далее эту этимологию подхватывают прочие гуманитарии: «Слово “невеста” восходит к единственному значению – “неизвестная” от невед (ведать), – говорится уже в педагогическом пособии по семьеведению, – Во время свадебного пира невеста должна была молчать и не снимать фату. У адыгов и таджиков жених после сговора не говорит не только с невестой, но и с будущими тестем и тещей... У сибирских татар, хантов и манси новобрачные часто видели впервые друг друга на брачном ложе» [12]. К сожалению, специалистам других наук приходится пользоваться не совсем выверенными данными из тех самых словарей, которые мы здесь рассматриваем, и тем самым распространять далее непроверенные данные.

Описанные обычаи, конечно, прекрасны и безусловно романтичны, но как они относятся к славянам и их языкам? Слово *невеста* относится к общеславянским, но можно ли допустить существование восточных нравов и обычаев в среде всех славянских народов? Хорошо, древляне по Нестору «умыкиваху оуводы» без бракосочетания, но о невестах и женихах речи здесь не идёт. Таковы ли были обряды у всех остальных славян? Даже среди босняков-мусульман таких обычаев нет и основная терминология в свадебном обряде славянская [13].

«Полная изоляция невесты позднее заменялась разными формами скрывания (прятанья)» – говорится в том же учебнике семьеведения. –

«Накануне свадьбы часто выводили мнимых, поддельных невест и женихов. В Сардинии жених обязан был узнать невесту или по обнаженным ногам среди выстроенных в ряд девушек, или среди девушек, сидящих в полном молчании. Если жениху во все три раза не удастся поймать свою невесту, то, значит, он берет не свою суженую» [12].

Как задиравшие невестам юбки средиземноморские островитяне соотносятся со славянами? Действительно ли наши предки называли новобрачную неведомой или неизвестной исходя из такого весьма кратковременного и отнюдь не славянского обряда?

Коль скоро известно, что обычай умыкания и традиция лишения молодых какого-либо знакомства вплоть до свадьбы у восточных народов распространён повсеместно, то у кого, как не в их языках найдём мы лексемы, передающие неведомость умыкнутой девушки? И наверняка именно там мы найдём доказательство неизвестности в номинации невесты.

Однако и там мы этого не встречаем. У манси невеста *маньнэ*, букв. «маленькая женщина», у ираноязычных народов мы видим ср.-перс. *jastaka* ‘невеста’, букв. «просимая», «испрашиваемая», курд. *dasgiran* ‘невеста’, букв. «взятая за руку (*das(t)+gir(ift)an*, ‘рука’+ осн. гл. «брать»)), др.-евр. כלה, каля, ‘невеста’, от араб. كليل, клиля ‘венец’. Пратюрк. основа **gele-* ‘просить, ухаживать, свататься’, давшая в тюркских языках, в том числе, у татар, *келин/гелин*, в свою очередь восходит к пратюрк. основе **gel-* ‘(в)ходить’. Тадж. *арӯс* ‘невеста’ происходит от ср.-перс. *arus*, авест. *auriša-* и родственно осет. *урс/урш* с общим значением «белый» [10, с. 228–229]. Как мы видим, умыкание невесты ни в одном из восточных языков не предполагает неизвестности в её назывании.

Странное дело, никаких тайн и неизвестностей в номинациях невесты у восточных народов нет. Неизвестность невесты предлагается только в славянских языках, хотя как раз неведомость невесты славянам свойственна в наименьшей мере.

Так ли обоснована сема неизвестности при этимологизации славянской невесты?

Возведение невесты к не+ведать в славянских языках противоречит здравому смыслу. Если Трубачёв в статье «невеста» приводит греч. когнат $\nu\beta\mu\phi\eta$, [нимфи], то нет ли и там отрицания или это слово имеет иное происхождение?

Для того, чтобы попытаться дать верную на наш взгляд этимологию интересующего нас слова, обратимся к индоевропейским когнатам числительного *девять*, которое, как известно, произошло от другой формы, способной дать нам ключ к ответу на вопрос о слове *невеста* в русском языке. Гипотетическая индоевропейская основа числительного *девять* **neun* при индоевропейских формах (ср.-в.-нем. *neghen*, голл. *negen*, др.-в.-нем. *niun*, нем. *neun*, готтск. *niun*, др.-анг. *nigen*, др.-сакс. *nigun*, др.-фриз. *niugun*, др.-ирл. *noin*, валлийск. *naw*, др.-норв. *niu*, шведск. *nio*, а также лат. *novem*, греч. *ennea*, санскр. и авест. *nava*, алб. *nende*,) более, чем убедительна.

Однако славянско-балтийские формы этого числительного (ц.-слав. *девети*, укр. *дév'ять*, ст.-слав. *девъть*, болг. *дéвет*, сербохорв. *дèвѐт*, словен. *devêt*, чеш. *devět*, словц. *devät'*, польск. *dziewięć*, в.-луж. *dźewjeć*, н.-луж. *źewjeś*, лит. *devyni*, лтш. *deviņi*, *devīņi*) вместо ожидаемой **невать*, или **nevyni* все как одна имеют диссимилированные формы, в которых начальный [н] везде единообразно перешёл в [д], либо наоборот балто-славянские формы сохранили начальный [д], а в остальных языках (см. предыдущий абзац) произошла диссимиляция.

Так или иначе, что мешает нам допустить подобную диссимиляцию при этимологизации *невесты*? Точнее, в данном слове следует говорить, видимо, об ассимиляции.

В слове *невеста* вполне мог иметь место обратный процесс, переход [д>н], **девеста* > *невеста*. И, если так, то истинная сема *невесты* – дева.

И в таком случае никакого отрицания там нет. Невеста всегда, или в большинстве случаев дева, в смысле, молодая, девица. В данном случае,

в **девеста* суффикс *-ст-* мог произойти из метатической перестановки аффрикаты «ц» (*тс>ст*), *девица>*девиста>*девеста>невеста*. А сербскохорватская форма *не́ва* ‘невеста’ (ср. др.-греч. *νύμφα* ‘невеста, молодая девушка’ с назальным элементом – слово из пресловутого догреческого субстрата, т.е. без этимологии) как раз и представляет собой чуть замутнённую ассимиляцией форму *де́ва*.

Вот и вся этимология слова *невеста*. Ничего лишнего сюда добавлять не надо, не надо приплетать чужих и чуждых славянам обрядов и обычаев. Чем проще, тем ближе к истине, на которую, впрочем, и мы не претендуем.

Семь печатных страниц об одном слове говорят либо о намерении увести от истины, либо о невежестве, прикрываемом многословием. Чего стоит заявление Трубачёва о поисках этимологии *невесты*: «Старая этимология слова *nevěsta* настолько очевидна (!!! – С.П.), что поиски каких-то новых объяснений не представляются целесообразными (!!! – С.П.). **Можно заранее сказать, что они не смогут противопоставить ничего равноценного по ясности старому объяснению!**»

Самонадеянно. *Невеста* это **девеста*, *дева*, *девица*, а не «неведомая».

Именно об этом чередовании, [*д>н/н>д*], писал Ю.В. Откупщиков в статье «*Стыгда», приводя пары русск. *гроздь/грознь* ‘гроздь’, *борозда/борозна* ‘борозда’, болг. *стъгда/стъгна* ‘стогна’ [8, с. 161].

Вероятно (вероятно!), что и в слове *нега* (ст.-слав. *нѣга*, ср. сербскохорв. *њега* ‘присмотр, уход’ имело место подобное чередование, **дѣга/нѣга*, **дѣжный/нѣжный*, (ср. лат. *tenere*, ‘протягивать, простирать’, откуда производные по языкам *tend (to)*, *attendance*, *attention*, *tender* и др.) делая *нежный* (<**дежный*) однокоренным с *надежда*, *надёжный*.

Также вероятно, что в слове *недра*, ст.-слав. *нѣдра*, на почве диссимиляции могло иметь место схожее чередование **нен(ь)ра*, роднящее его с *нора* и *нырять*. В свою очередь, при русск. *нора* и *нырять* то же чередование мы видим в русск. *дыра* (<**ныра*), укр. *нора́*, др.-русск. *нора*, чеш. *nora*, словц. *porit'(sa)* ‘погружаться, нырять’, польск. *nora*, *nura* ‘нора’, русск.-цслав.

вънръти, вънръж, словен. *pondréti, pondrètm* ‘окупаться, нырять’, *rópor*, род. п. *ronóra*, ‘понижение, пропасть’, болг. *нóрвам* ‘бросаюсь вниз головой (в воду)’. Фасмер считает **dira/*nyra* контаминацией [14, с. 82–83], но мы склоняемся к тому, что здесь имеется диссимиляция звуков по способу их образования.

Можно пойти дальше и предположить (только предположить!), что этноним неметов (племя которых, по мнению Тацита, без сомнения относилось к германцам, хотя происхождение их названия возводится к кельтскому [8], от которых, как утверждается, произошёл этноним *немцы*, в свете чередования $\delta > н/н > \delta$ неплохо коррелирует с названием западнокельтских *деметов* [2].

Русскому *нерест* в словенском соответствуют *drèst* ‘икра (рыб, лягушек)’ и *drestíti se* ‘метать икру’. Такая форма наводит нас на идею связать *нерест* и *друстать*, и отметить всё тот же переход $\delta/н$. Видимо, последнее когда-то могло иметь глагольную форму **нрустать*, либо, наоборот, – *нерест* от *друст*, т.е. **дерест*.

То же, видимо, можно видеть в украинском префиксе *де-* в *деякій* (из **неякій*), *декілько* (из **некілько*), соответствующих русским *некий*, *несколько*.

Это же чередование, $н-д/\delta-н$, видно в слове *небо* (*небеса*) внутри балтославянских (лит. *debesis* ‘облако’, др.-лит. род. мн. *debesũ*, лтш. *debesis* ‘то же’, *debess* ‘небо’), а также в греч. *δνóφος, γνóφος* ‘тьма’.

Интересно было бы также сопоставить греч. *νοῦς*, нус ‘интеллект, смекалка, ум’ с балтославянскими когнатами, – лтш. *dūša*, общеслав. *душá, доуша, dúša, duše, dusza* и проч. из праслав. **duxīā*.

Таким же образом, *ныне* (др.-русс. *нынѣ, ныня*) также могло пройти через процесс диссимиляции, **дьне > ныне*, что делает этимологию *ныне* более, чем прозрачной – от *день*, а не от *новый*, как в словарях. «БІ» в слове могла развиться из «Ь» в *дьнь* для разделения оказавшихся рядом одинаковых

звук и удобства произношения, **дьне* > **ньне* > *ныне*. *Ныне* практически идентично *днесь* (из **дьньсь*). Возможно, *ныне* и развилось из *днесь*.

Также отметим, что начальному звуку [n] в балто-славяно-германских когнатах слова *ночь* (лит. *naktis*, лтш. *nakts*, др.-прусс. *naktin*, укр. *ніч*, блр. *ноч*, др.-русс. *ночь*, ст.-слав. *ношть*, болг. *нощ*, сербохорв. *ноћ*, словен. *poč*, чеш., слов. и польск. *нос*, в.-луж. *nóс*, н.-луж. *нос*, полаб. *nüс*, др.-анг. *niht*, зап.-сакс. *neahht*, англск. *naeht*, *neht*, др.-сакс. и др.-в-нем. *naht*, др.-фриз. И голл. *nacht*, др.-норв. *natt*, готтск. *nahts*, совр. нем. *Nacht*) так же единообразно соответствуют звуки [t/d] в тюркских когнатах (др.-тюрк. *tün*, караханидск. *tün*, *dün*, и подобные формы в турецк. *tün/dün*, тат. *tön*, ср.-тюрк. *tün*, узб. *tun*, уйг. *tün*, азерб. *tün*, туркм. *tün*, хакасс. *tün*, шорск. *tün*, ойротск. (алт.) *tün*, якут *tün*, долганск. *tün*, тув. *tün*, тофаларск. *tün*, кирг. *tün*, каз. *tun*, ногайск. *tün*, башк. *tön*, балкарск. *tün*, гагауз. *tün*, караимск. *tün*, каракалп. *tün*, кумыкск. *tün* – все с практически одинаковыми формами *tün/tön/tun/dün*.

Такое равномерное чередование говорит о том, что источник был один, и что это распределённое по языковым группам чередование универсально и свойственно не только балто-славянским, или только индоевропейским, а охватывает и ностратуку.

В просторечном *ндрав* оба чередующихся элемента представлены по соседству.

Оговоримся, что все примеры в предыдущих абзацах являются плодом наших личных наблюдений и предварительных заключений, которые вполне могут оказаться отчасти или даже полностью ошибочными. Их ещё нужно проверять и доказывать.

Но, из того, что *невеста* является развитием **девесты*, то есть, форма с [д] старше формы с [н], можно сделать вывод о том, что праиндоевропейская основа названия числительного девять (**neun-*) является, как говорилось выше, более поздней эволюцией балто-славянских форм.

Удивительно, что происхождение *невесты* из *девицы* (*девица* > **невица* > **невиста* > *невеста*, либо *девица* > **девиста* > **невиста* > *невеста*)

за полтора столетия исследований никому и никогда не приходило в голову! Вот что происходит, когда этимолог отказывается отбросить, казалось бы, очевидное отрицание в слове, и вот что происходит, когда непременно нужно вывернуть наизнанку славянскую форму и выдумать обычаи, которые никогда не были свойственны славянам.

В слове *невеста* нет отрицания! Невеста – слово светлое, позитивное и жизнеутверждающее! Объективна ли здесь наука? От большой ли любви к славянам и их языкам выводится негативная этимология одного из самых чистых и высоких их слов?

Закрывая обсуждение *невесты*, кратко коснёмся его германских когнатов. Считается, что гипотетическая прагерманская основа **bruthiz* дала др.-фриз. *breid*, др.-в.-нем. *brut*, нем. *Braut*, голл. *bruid*, др.-англ. *bryd*, совр. англ. *bride*, все со значением ‘невеста’, то есть, та, с кем заключается брак [19].

Русское слово *брак* в значении ‘брачный союз’ считается исконно славянским и происходит от глагола *братъ* (в мужья/замуж), из праславянской основы **bor-* с расширением *-k* ‘братъ’. Откуда тогда приведённые выше германские формы?

Словари говорят, что германские формы происходят из гипотетической праиндоевропейской основы **bhreu-* со значениями ‘варить’, ‘кипятить’, ‘кипеть’, ‘пузырить(ся)’, ‘гореть’, образующего дериваты со значениями ‘варить’, ‘готовить’. Невеста по германской этимологии – та, которая стряпает, стряпуха. Оставим такую этимологию на совести этимологов-германистов. Для них **такая** этимология, видимо, предпочтительней поисков общих со славянами корней [11].

Следующая в нашем дискурсе лексема – *дочь*.

В германских языках она представлено деривативами из прагерманской основы **dokhter* (др.-норв. *dóttir*, др.-фриз. и голл. *dochter*, нем. *Tochter*, готтск. *Dauhtar*, ср.-англ. *doughter*, др.-англ. *dohtor*, из **dhutēr*, из кот. др.-сакс. *dohtar*), которая выводится из гипотетической праиндоевропейской основы **dhugheter*.

Из этой же основы др.-перс. *doxtar*, санскр. *duhita(r)*-, авест. *dugədar*-, арм. *dustr* и греч. *thygater*.

И в этом же ряду балто-славянские формы, лит. *duktė*, род. п. *dukterš*, *dūkrà* (из **duktrā*), *podukrà*, *podukrė* ‘падчерица’, др.-прусс. *duckt*, *duktė*, русск. *дочь* (род. п. *дочери*), уменьш. *дóчка*, *дóня*, др.-русск. *дочи* (из **дъчи*), укр. *доч* (род. п. *дóчери* (*дочкá*)), ст.-слав. *дъшти* (род. п. *дъштере*), болг. *дъщеря*, др.-чеш. *dci*, чеш. *dcera*, словц. *dcéra* и проч.

В русских этимологических словарях, если не считать версию у Черных: «м.б. (т.е. **может быть!!!** для подстраховки – С.П) от **dheugh* ‘доить, кормить грудью, давать молоко’» [15, с. 265], этимология *дочери* не выводится никак.

В словарных статьях, как обычно, перечисляются когнаты по языкам без указания их старшинства.

Но это не этимология. Это собирание схожих форм по языкам и возведение по одной из гипотетических теорий к гипотетическому праязыку гипотетического народа. Этимология, то есть истинный смысл (от др.-греч. ἔτιμον – истина) ядерной лексики в особенности, ни современными лингвистами, ни их предшественниками чаще всего не раскрывается. Факты собираются правильно, но выводы из собранных фактов либо вообще не делаются, либо делаются выводы, из этих фактов не вытекающие, ложные и неверные выводы.

Какова же истинная семантика лексемы *дочь*? Это ведь не просто, как утверждал Соссюр, произвольный языковой знак, случайный набор звуков, разбросанный по языкам. У этого, как и у прочих слов, есть смысл и логика номинации.

Здесь следует очень кратко упомянуть о нашей теории, или гипотезе о чередовании матерей чтения (*alternatio matres lectionis*) в данном случае в русском языке, которую мы применим в нашей попытке этимологизации *дочери*.

Чередование матерей чтения широко и систематически представлено в семитских, индоевропейских иранских, но рудименты его также наблюдаются

и в других языках, входящих в другие языковые семьи, в частности, в прочих индоевропейских, тюркских, а также в славянских. Рассмотрим его на примере славянских.

Гласные звуки [о] и [у] образовались из огласованного слогаобразующего согласного «въ», в котором на месте «ъ» (шва) имелась любая из огласовок – [ва], [ве], [ви], [во], [ву], [вы] или [v'ja], или шва, [въ]. Из любого из этих слогов образовались неслоговые гласные [о] или [у].

Так, словари объясняют лексемы *кур* ('петух'), *кура* и *курица* как звукоподражание, приводя болг. *кокошка*, сербскохорв. *кокош* и т.д. Однако, по теории чередования матерей чтения, в ныне односложном слове *кУр* мы усматриваем ещё один слог, который там был раньше, «вы», предшествовавший появлению неслогового [у] – **коВЫр*. Следовательно, современное *кура* имело форму **ковыра*, и, соответственно, слово *курица* ранее выглядело как **ковырица*, что коррелирует с поведением и со способом питания этого более чем полезного народнохозяйственного существа.

Следовательно, к той же форме восходят словенское *kùr(a)*, чешское *kour*, *kur*, словацкое *kúr*, польское *kur*, верхне- и нижнелужицкое формы *kur*. Но тогда к каким формам в таком случае восходят персидские формы *χros* из др.-ир. *χraosa-*, тадж. *хурӯс* (а также заимствованное из таджикского узбекское *хо'роз*, *хўроз*), если смысл номинации этой птицы по теории чередования матерей чтения извлекается из понятной и читаемой только в русском формы **ковыра*?

То же самое чередование можно узреть и в лексеме *корень*, которое словари возводят к праславянской основе **kore-* с расширением *-n*, **korenь*. Но откуда такая форма, почему именно такой набор звуков обозначает подземную часть растений наука этимология молчит. Мы считаем, что в форме *кОрень* имел место тот же дополнительный слог «вы», перешедший в звук [о], – **коВЫрень*. Ведь и русск. *корень* и лит. *keras* 'пень', *kereti* 'разрастаться, ветвиться' – это то, что «ковыряет» почву для углубления и закрепления в ней, а *кора* и *коряга* – это также и то, что *ковыряют*, *корчуют*, – **ковыра* и **ковыряга*.

Из этого следует вопрос: насколько обоснована гипотеза о происхождении *корня* от лат. *cor*, из которого старофранц. *cor*, *coeur* и англ. *core*, все со значением ‘корень, сердцевина (плода), сердце’, возводимые к праиндоевропейскому корню **ker-* кизиловое дерево [15, с. 429]? Каким образом могла повлиять латинская форма на образование праславянской основы **kore-*? Лексема какого языка является в данном случае исходной, по сей день содержа в себе смысл?

Слово *ус* в словарях выводится из праиндоевропейской основы **uendh-s-os* с расширителем *-s-*, со значением ‘волосы, шерсть’. Но гипотетическая праиндоевропейская форма, предлагаемая в качестве основы, не поясняет ничего ни для одного языка. Почему именно **uendh-s-os*? Какова была логика номинации? Что эта основа значит?

Основываясь на теории чередования матерей чтения, мы полагаем, что форме *Ус* предшествовала форма **ВИс*, что ставит многое в понимании этого слова на свои места. *Ус* – то, что висит! Равно как и *сОсок*, который вполне мог иметь более старшую форму **сВИсок*, то, что свисает. В *сосок* и *сосать* этимологический корень не *-сос-*, а *-вис-*. *С-* здесь не часть корня, а префикс.

Оса. Словари удачно начинают этимологизацию этого слова, но останавливаются на полпути и сворачивают с него. Черных пишет: «от общеславянского **vosa* (<**vopsa*)... из индоевропейского **uobhsa*» [15, с. 606] с самого начала усматривая в слове исчезнувший слогообразующий согласный [в]. Но, начав хорошо и почти выведя искомую форму, далее он уходит в сторону: «Корень, надо полагать, **uebh-* – ‘плести, ткать’, ср. нем. *weben* – ‘ткать, плести’».

По нашей теории чередования матерей чтения слово *оса* произошло не от общеславянского **vosa*, которое ничего не поясняет, а из формы **ВЕса*, либо **ВИса*, то есть, видимо, подразумевалась способность этого насекомого зависать в полёте (так наз. ховеринг). А нем. *weben*, англ. *weave*, голл. *weven*, со значением ‘плести, ткать’, санскр. *ubhnati* ‘сплетает вместе’ семантически связаны с глаголом *вязать*, а не *вить*.

Осы гнёзда не вьют, они их конструируют при помощи собственных клейких выделений и фрагментов древесины. На плетение или вязание это не похоже, это скорее строительство. Плетение гнёзд у осы и релевантность в данном случае праиндоевропейского корня $*(h_1)ueb^h$ ставится под сомнение не только нами, но и, например, в “Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages”, где в статье “vespa” говорится: “It is questionable whether 'wasp' was derived from PIE $*(h_1)ueb^h$ 'to weave', since wasps are not typically known for 'weaving' («Сомнительно, чтобы слово ‘оса’ возникло из праиндоевропейской основы $*(h_1)ueb^h$ ‘плести’, поскольку осы, как правило, гнёзда не вьют. (Перевод наш – С.П.») [18, с. 670]. Латинское *vespa* всё ещё содержит искомую сему *ves*.

Так вот, если в свете нашей теории чередования матерей чтения взглянуть на слово *дочь*, то становится понятно, что *дОчь* это $*д(ь)ВОчь$, то есть, $*девочь$. А форма *дОчка* как раз и совпадает с современным названием ребёнка женского пола, *деВОчка*. Ласкательный диминутив *доня* это фактически $*девоня$.

Таким образом, и *дочь* есть *дева*. Лексема *дочь* так же, как и *невеста* происходит от *девы*.

Каков же тогда смысл в формах *dóttir*, *dochter*, *Tochter*, *dauhtar*, *doughter*, *dohtor*, *dohtar*, *doxtar*, *duhita(r)-*, *dugadar-*, *dustr*, *thygater*, *duktě*, *duckt* и *duktè*, если русская форма якобы имеющая в основе праиндоевропейскую основу $*dhugheter$, происходит от русского же *дева*?

Далее – почему *дева*? Откуда такая форма, *дева*? Она ведь тоже от чего-то должна была образоваться. Это ведь не рандомный набор звуков, который «договорились» использовать при номинации объектов, как нас уверяет этимология.

Словари предлагают – *дева* от «доить»! Доить деву? Много ли, интересно, с *девы* можно надоить!

Для этимологизации *девы* нам придётся коснуться сфер божественных, что применительно к дамам не только вполне уместно, но и необходимо.

Откуда произошли названия бога или богов в языках? Начнём с Зевса, верховного бога древних греков.

Обычно *Зевс*, греч. *Δίας* (из *Ζεύς*) (с формой *θεός* ‘бог’ сложнее, поскольку она считается одним из множества слов догреческого субстрата, и по идее должна была бы иметь форму *δειός*), возводят к праиндоевропейской основе **dewos-* ‘бог’, которая считается также основой лат. *deus* ‘бог’, др.-перс. *daiva-* ‘демон, злой дух, дэв’, церк.-слав. *diviŭ* ‘дикий, лесной’, *диво*, санскр. *deva-*, *devata*. Основа **dewos-* восходит к гипотетической основе **dyeu-* ‘сиять’, и, следовательно, *Зевс*, *deus*, *дэв*, *диво* и прочие формы по языкам, означающие бога, в основе своей имеют сияние бога солнца или громовержца.

Получается, и русск. *дикий* (с, по-видимому, более старшей формой **дивкий*), *диво*, *дивиться*, *удивляться* происходят от гадательной праиндоевропейской основы **dyeu-* ‘сиять’? Вывод получается такой. Но так ли это?

Посмотрим на обозначения божеств в других языках.

Древнееврейские *адон* (אָדוֹן) и *адонай* (אֲדוֹנָי) обозначают, соответственно, ‘господин’ и ‘господь (мой)’. Вернёмся к семитскому адон/адонай. О.М. Штейнберг говорит, что корень в них «дин» (דן), ‘суд’ с основой Д.Н. (ד.נ., «далет-нун»). Вероятно, что глагол *дан* (דן) ‘судил, воздавал’, с корневой основой Д.Н., связан с глаголом *тана* (תָּנָה) ‘обоюдно уславливался, взаимно договаривался’ (что является частью судебного процесса), а также с *натан* (נָתַן), ‘дал, давал’ с основой Т.Н. (ת.נ., «тав-нун») [13], что в чистом виде представлено в императиве м.р. נָתַן, [тен], ‘дай’.

Древнееврейская основа ת.נ./ד.נ. (Т.Н./Д.Н.) дала נתן, натан ‘дал’, דן, дан ‘суд’ (процесс воздаяния), אָדוֹן, адон ‘господин’ и אֲדוֹנָי, адонай ‘господь’, т.е. אָדוֹנָי, адон+«йуд» притяжательный суффикс первого лица, букв. «господь мой», а ещё буквально «господа мои», как гвиротаи ве-работаи, ‘дамы и господа’ – слившийся с корнем и ныне от него не отделяемый. Надо думать, что, если согласная основа Т.Н./Д.Н. означает (воз)даяние, надделение чем-то, то, вероятно, адон и адонай – это тот (те), кто (воз)даёт, подаёт. Орёл и Столбова предлагают для אָדוֹן, [адон], прасемит. осн. **ɔader-* ‘господин,

господь' [20, с. 6], которая только подтверждает наше утверждение, ибо здесь мы видим чередование Д.Н/*Д.Р, то есть дан/дар.

Та же параллель в русском, – *господин* и *господь*. Есть ещё русск.-цслав. *господарь* 'господин, князь в Молдавии и Валахии, повелитель', а также болг. *господар*, сербохорв. *госпòда̀р*, словен. *gospodár*, чеш. *hospodář*, польск. *gospodarz*, в.-луж. *hospodarj*, н.-луж. *góspodarj*. Из *господарь* произошло *государь*, затем – *осударь*, *сударь* [14, с. 446].

В современном русском языке слова *господарство* уже нет, но оно сохранилось, в частности, в украинском и в ряде других славянских языков. Но есть произошедшее из него слово *государство* (< *господарство*).

Когда мы пишем «большого», «красного» и проч., то произносим [бл'шовь], ['красньвь], то есть «-ого» произносится как ['овь/тьвь], в зависимости от ударения в слове.

Процесс замены [г] на [в] в суффиксах «-ого» и «-его», а также в местоимении «его/него» занял достаточно длительное время. Поначалу «большого», «красного» так и произносились, [бл'шогъ], ['красньгъ], однако, под влиянием различных произношений звонкий велярный пловив [г] перешёл в звонкий велярный фрикатив [ħ], [бл'шоħъ], ['красньħъ], а потом, оглушившись, и вовсе исчез, превратившись в простой выдох (глоттальный фрикатив) [бл'шоħъ], ['красньħъ], дав место лабиодентальному фрикативу [в]. Фрикативы взаимозаменялись (или счередовались), перейдя один в другой [г > ħ > в]) по способу артикуляции.

По чередованию фрикативов, [в(w)/ħ/г], **восподарство* дала *господарство*. Далее, по теории чередования матерей чтения, второй слог «по» дал звук [у], из чего получилось *госПОударство* > *госУдарство*. *Государство* < **восподарство* – «то, что восподаёт» – старшая этимологизируемая нами форма. Других внятных этимологий слова *государство* на сегодня нет.

Смысл в слове *государство* не «господствовать», не «владеть», не «угнетать», не «преследовать» и не «грабить народ», а «даровать», «давать», «жаловать», «воздавать», «восподавать».

Но в таком случае и слово *господь* содержит тот же смысл и тот же корень – «дар», но уже в усечённом нераспознаваемом виде. Действительно, в «-дь» сложно уже разглядеть «-дар(ь)».

Наукой признано, что происхождение слова «господь» неизвестно! В самом популярном и доступном современном интернет-справочнике «Википедии» написано: «Слово «государство» в русском языке происходит от древнерусского «государь»,... которое, в свою очередь, связано со словом «господарь» (давнее «господарьство»). Древнерусское «господарь» происходит от «господь». Таким образом, практически все исследователи сходятся на связи слов «государство» и «господь». **Точная же этимология слова «господь» неизвестна** (*жирный курсив наш – С.П.*)» [3].

Что же, теперь будет известна. *Господь* (<*восподарь), и *государство* (<*восподарство) – это в первую очередь те, что восподают, одаряют, а не карают и отнимают последнее.

В словарях же *господь* происходит от «гос(ть)» + индоевропейский корень **potis* (хозяин), **hosti-potis*, дающее *hospes* (*hospitis*) ‘хозяин, оказывающий гостеприимство чужестранцам’ [15, с. 209].

Каким образом латинское *potis* повлияло на образование названия славянского бога? При чём здесь гадания о верованиях восточно-, южно- и западноевропейских славян-язычников, о которых говорит Черных в статье «господь» своего двухтомного словаря? По его этимологии получается, что такое восприятие бога – «хозяин» – было общеславянским, если его когнаты отмечены и в болгарском, и в сербскохорватском, и в словенском, и в чешском, и в словацком, и в русском. Каким образом относится к русскому *господу* Genitivus латинского *hospes* в форме *hospitis*?

Слово «господь» славянскими этимологами категорически не этимологизируется.

В тюркских *бог* восходит к пратюркской основе **baj*, [бай], (караханидск. *bajat*, тур. *bajat*, (диал. *bajuq*), ср.-тюрк. *bajat*, ойротск. (алт.) *baj-lu*, якут. *bajanaŋ*, кырг. *baj*, тув. *bajba* ‘дух удачи на охоте’ (которые следует отделять

от деривативов от основы **ba:j* ‘богатый’) [21, с. 38], а пратюркская основа **be:r* ‘дать, давать’ даёт в тюркских множество единообразных деривативов с тем же значением [21, с. 66]. Не нужно ли и тут отметить, что и в тюркских ситуация схожа: господ(ар)ь – это тот, кто даёт, **baj/*be:r*, а также лат. *dīves* ‘богатый, зажиточный’, кот. также возводится к *deus* [18, с. 173-174].

Если да, то почему греч. *Δίας* ‘Зевс’, *θεός* ‘бог’, лат. *deus* и все остальные европейские производные происходят от **dewos-* < **dyeu-* ‘сиять’? То же и в санскр. глагольной основе *div-* ‘сиять, излучать’, из которой производятся *diva, divasa* ‘день’ и *diva-kara* ‘солнце’, то, что делает день. Но о боге в данном случае речь не идёт.

Греческий глагол *δίνω* [динó] ‘давать’ восходит к более ранней форме *δίδω* [дидó], которая из др.-греч. *δίδωμι* [дидóми], в которой, если отбросить редупликацию, просматривается корень *δί-* ‘отделять, отдалять’, иначе говоря, давать посредством отделения от себя.

Ни о каком сиянии речи здесь нет. Поскольку пратюркский **baj* ‘бог’ связан с **be:r* ‘давать’, *господь* связан с **вос-по-дарь*, а *адон, адонай* (אָדֹנָי, אֲדֹנָי) и *дан* (דָּן) ‘судить (давать суждение)’ связаны с דָּן, [тен], ‘дай’ и *натан* (נָתַן) ‘дал’, то будет естественно сделать предположение, что и *Δίας* ‘бог’ может восходить к *δίδω* ‘давать’, и далее к *δί-* ‘отделять, отдалять (*от себя путём отдавания, – С.П.*)’, а вовсе не к **dyeu-* ‘сиять’. Праиндоевропейская основа **dyeu-* ‘сиять’ возводится в источник Зевса и всех прочих форм, означающих бога (богов), без особых на то оснований. Во всяком случае, праиндоевропейская основа **do-* ‘давать’ (из основы, как мы считаем по теории чередования матерей чтения, **ДВ*.) была бы здесь не менее уместна.

Диво. П.Я. Черных говорит, что слово *диво* «в знач. ‘бог, божество’... у славян было ещё на ранней стадии развития языка» [15, с. 252]. Если мы знаем, что славянские государства существовали уже в эпоху написания знаменитой грамоты славянам Александром Македонским [7, с. 145–147], а это по крайней мере за триста с лишним лет до нашей эры, то раннюю стадию

развития их языка, о которой говорит Пётр Яковлевич, следует отнести к ещё более отдалённому периоду – на полтысячелетия до Р.Х.

Так вот, «очень давнее, с общеславянской поры» слово **divъ/divo* «находится в родственных отношениях с лат. *deus*<*deos*<**deiŋous*, прил. *divinus*» [2, там же]. В каких именно родственных связях состоят эти слова? Чья форма старше? Если за пятьсот-триста лет до Христа латинский язык находился в стадии формирования, то полноценные славянские государства соперничали тогда мощью с войсками Искандера Двурогого. Произошло ли *divo* от *divinus* или *divinus* от *diva*?

Свидетельств того, что римляне или латиняне присутствовали на территории славян, нет. Массово их там никогда не было. Следовательно, влияние находившейся в тот период в стадии кодификации латыни на славянские языки нужно исключить. Есть свидетельства того, что как раз славяне экстенсивно присутствовали в Западной и Южной Европе от античности до позднего Средневековья, и всегда доставляли Риму беспокойство, в конечном итоге покорив Римскую империю и разрушив Рим [17, с. 15].

Если в словарях о каком-то слове пишется «родств. лат...», «родств. санскр...», то непременно следует определиться в каком именно родстве состоят эти когнаты. Родство всегда предполагает старшинство. Даже среди однойцевых близнецов, родившихся в один день, нет родства без старшинства. Один из них появляется на свет раньше первого и считается старшим. Если говорится о родстве, нужно определиться каким физическим способом установилось это родство, кто от кого произошёл, и привести историческое свидетельство того, при каких обстоятельствах это породнение произошло.

Например: в период ига такое-то монгольское слово попало в пра- (прото-, старо-, древне-, церковно-) славянский язык. На славянской почве оно изменилось *так-то* и *так-то*, и сейчас выглядит *вот так*. Далее оно было заимствовано в русский язык. Восходит к монг. *такому-то* или протомонг. **такому-то*. Тогда станет обоснованным утверждение «родств. монг. *такому-то*». Станет понятно, что родственная монгольская форма старше русской

в силу множества объективных и неопровержимых исторических фактов, обусловленных трёхсотлетним монгольским игом на русской земле. Станет понятным существование слова и станет ясным то, чем вообще занимается этимологическая наука.

Всё будет логично и понятно, если бы с периода ига в русской лексике сыскалось бы хотя бы одно (!) исконно монгольское слово.

В каких родственных отношениях русское **divь/divo* в таком случае «находится с лат. *deus* < *deos* < **deiuous*, и прил. *divinus*»? Если родство предполагает старшинство, то чья форма старше? Исторические факты свидетельствуют о том, что славяне в течение не одной эпохи находились с римлянами в примерно таких же отношениях, в каких находились монголы с восточными славянами в течение трёхсот лет. Имеются ли свидетельства того, что латиняне, римляне или граждане городов-государств Салерно и Неаполя массово проникали на территории восточных славян и каким-то образом влияли на их язык?

Черных предлагает ещё одну версию: «**divь* от **dhirah* ‘умный, мудрый’», то есть, предлагает в предки русского слова древнеиндийское (неплохо было бы и здесь указать каким образом оно было заимствовано славянами). Так же поступил и Фасмер, упомянув попытки некоторых предшественников отделить слав. **divь* от понятия «бог» [14, с. 513–514].

Пользуясь аналогиями (см. выше) можно и тут предположить, что санскр. *deva* ‘бог, божество’ и санскр. основа *dā-* (*dadati*) ‘давать’ также могут иметь лексическую связь. *Deva* может быть суффиксальным образованием от основы *dā-*. В формах *deya* ‘дар, подарок’, *dīti* ‘раздача, пожертвование, щедрость’, *dānā* ‘дар, дарение, удовлетворение’ [5] мы видим, что огласовка первого слога вариативна, *e/i/ā*, а при наличии таких санскр. суффиксов, как *-van*, *-vant* можно вычленить морфему *-va-*, давшую форму *deva* ‘бог’.

Из всего вышенаписанного следует заключение, основанное на языковых фактах и здравомыслии, – *диво* (ср. лит. *diēvas*, латышск. *dievs*, оба со знач. ‘бог’) – некая сущность, которая *давала*, одаряла первобытных людей некими

благами. Карго-культ, в принципе, свойствен (или же был свойствен) далеко не только народам Океании. Впрочем, богу и сейчас присуща такая функция, недаром ведь существуют устойчивые выражения типа «дай бог», «не дай бог», «подавай бог» и множественные теоформные имена: Богдан, Йонатан, Натаниэль, Тенгриберген, Худайберды, Аллаберды, Теодор (Фёдор), Дъедонне, Теодат и проч.! И сияние здесь абсолютно не важно и даже бесполезно.

И вновь мы весьма кстати вспоминаем др.-греч. *νύμφη* ‘молодая девушка, невеста’! По Википедии «нимфы – *божества* природы в древнегреческой мифологии в виде *девушек*, олицетворяющих различные живительные и плодоносные силы Земли, природные объекты и явления. Каждая нимфа – покровительница определённого объекта или явления природы, его душа и воплощение». «М» в *нимфе* – это назальный инфикс, отбросив который мы получим **ни-фа*, что вполне сравнимо с сербскохорватским названием невесты *нева* (см. выше), которая, как мы показали выше, от *дева*.

Нимфы – девы, в греческом пантеоне богини, эквивалентные др.-инд. богине-матери *дэви* (из *дэва* ‘небесный, божественный’). Следовательно, заявление Фасмера в ст. «дева»: «Сравнение слав. *děvica* с др.-инд. *dēvi* (Розвадовский, Qu[*aestiones*] Gr[*ammaticae et etymologicae*] 1, 418) отклоняет Ягич» [1, с. 491] мы можем с уверенностью отклонять. *Дева*, она же ни(м)фа, непосредственно связана с др.-инд. *дэви*. Ян Михал Розвадовский был прав! *Ни(м)фа* и *дэви* – оба суть от *девы*.

От *невы* < *девы* же, по всей видимости, и лат. *nūbō*, *-ere* ‘жениться’, *nupta* ‘невеста’, *nuptula* ‘молодая невеста’, а также *cōnūbium* ‘брак, женитьба’ [18, с. 417].

А русск.-цслав. *сноубити*, как указано у Фасмера, с XI в., могло быть основой, давшей русск. *сноха*, она же невестка.

Та же логика должна работать и с лат. формами *deus*, *divus* при лат. *dare* ‘давать’ и *do* ‘(я) даю’, и с греч. *Δίας* и *θεός* при *δοω*, *δω*, *δίδωμι*, лит. *diēvas* при *duoti* ‘давать’, латышск. *dievs* при *dot* ‘давать’, а также при семитских *адон* (אָדוֹן), *адонай* (אֲדוֹנָי) и корневых основах Т.Н/Д.Н., образующих глаголы *натан*, נתן ‘дал’ и *дан*, דן ‘судил’. Кроме того, древнееврейское יהוה, [yahwe], ‘бог,

всевышний' и глагол 𐌆𐌿 , [яһав], 'жаловать, давать' (с чередованием матерей чтения «вав/бет») находятся в абсолютно такой же семантической связи.

В таком случае, если греч. *Ζευς, теос*, лат. *деус*, перс. *дэв*, санскр. *деви*, пратюркск. **baj* (:*be:r), слав. *господь* (:*восподарь) семантически связаны с понятием давания, отделения (от себя), то от какой семы происходит русское слово *дева* в нашей попытке установления значения слов, означающих бога? Давать?

Наверное. Во всяком случае, это именно та мысль, которую мы хотели донести до думающего читателя.

Литература

1. Академик // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lubker/7427/НЕМЕТЫ>. (дата обращения 28.04.2019).
2. Архив сайтов. // URL: <https://web.archive.org/web/20051028161552/http://www.roman-britain.org/tribes/demetae.htm>. (accessed:28.04.2019)
3. Википедия // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Государство>. (дата обращения 28.04.2019).
4. *Едемский М.Б.* Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда, 1910. Переизд. Вологда, «Легия», 2002.
5. *Кочергина В.А.* Санскритско-русский словарь. Москва: Русский язык, 1987.
6. *Орбини М.* Славянское царство. ОЛМА-Медиа-Групп, 2010.
7. *Орбини М.* Историография початия имени, славы и расширения народа славянского, и их царей и владетелей под многими именами, и со многими царствиями, королевствами, и провинциями. С-Пб., 1722.
8. *Откупщиков Ю.В.* Очерки по этимологии, изд-во СПбУ, 2001.
9. Повесть временных лет. М.: Л., 1950. Ч. I. С. 15.
10. *Расторгуева В.С., Эдельман В.И.* «Этимологический словарь иранских языков», том I, Москва: Восточная литература РАН, 2000.
11. «Россия – родина Германии». Техника молодежи, 1997. С. 42.

12. *Тюгашев Е.А., Попкова Т.В.* Семейведение. Глава V. Обряды семейного цикла. Новосибирск: СибУПК, 2003.

13. *Узенёва Е.С.* Славяне-мусульмане Южной Славии: терминология народной культуры. Сборник «Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации». Москва, Институт славяноведения РАН, 2018 г. С. 499.

14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Москва: Прогресс, 1987.

15. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Москва: Русский язык, 1999.

16. *Штейнберг О.М.* Еврейский и халдейский этимологический словарь к книгам Ветхого Завета. Вильна, 1878.

17. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 25. М.: Наука, 1999.

18. *De Vaan M.* Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Volume 7, Brill, 2008.

19. Online etymological dictionary // URL: <https://www.etymonline.com>.

20. *Orel V.E., Stolbova O.V.* Hamito-Semitic Etymological Dictionary. Materials for a reconstruction. E.J. Brill, 1995.

21. *Starostin S.* Turkic Etymology, 19982009.

References

1. Academic. // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lubker/7427/HEMETЫ>. (дата обращения 28.04.2019).

2. Archive.org // URL: <https://web.archive.org/web/20051028161552/http://www.roman-britain.org/tribes/demetae.htm>. (accessed:28.04.2019)

3. Wikipedia. // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Государство>. (accessed:28.04.2019)

4. *Edemskii M.B.* (2020). Wedding in Kokshenga, Totemsky district, 1910. Reprinted. Vologda, «Legiya».

5. *Kochergina V.A.* (1987). Sanskrit-Russian Dictionary. Moscow: Russkii yazyk.

6. *Orbini M.* (2010). Slavic kingdom. OLMA-Media-Grupp.
7. *Orbini M.* (1722). Historiography of honoring the name, glory and expansion of the Slavic people, and their kings and rulers under many names, and with many kingdoms, kingdoms, and provinces. S-pb.
8. *Otkupshchikov Yu.V.* (2001). Etymology essays. Izd-vo SPbU.
9. The Tale of Bygone Years. (1950). Moscow: L. Part I. P. 15
10. *Rastorgueva V.S., Edel'man V.I.* (2000). "Etymological Dictionary of Iranian Languages". Vol. I. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.
11. "Russia is the homeland of Germany" (1997). *Tekhnika molodezhi*. P. 42.
12. *Tyugashev E.A., Popkova T.V.* (2003). Family studies. Chapter V. Rituals of the family cycle. Novosibirsk: SibUPK.
13. *Uzeneva E.S.* (2018). Muslim Slavs of South Slavia: the terminology of folk culture. Collection "Slavic Linguistics. XVI International Congress of Slavists. Belgrade, August 20-27, 2018 Reports of the Russian Delegation". Moscow, Institute of Slavic Studies RAS. 499 p.
14. *Fasmer M.* (1987). Etymological dictionary of the Russian language. Moscow: Progress.
15. *Chernykh P.Ya.* (1999). Historical and etymological dictionary of the modern Russian language. Moscow: Russkii yazyk.
16. *Shteinberg O.M.* (1878). Hebrew and Chaldean etymological dictionary to the books of the Old Testament. Vilna.
17. Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic lexical fund. (1999). Issue 25. Moscow: Nauka.
18. *De Vaan M.* (2008). Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Volume 7, Brill.
19. Online etymological dictionary. // URL: <https://www.etymonline.com>.
20. *Orel V.E., Stolbova O.V.* (1995). Hamito-Semitic Etymological Dictionary. Materials for a reconstruction. E.J. Brill.
21. *Starostin S.* (1998-2009). Turkic Etymology. 1998.

Авторы публикации

Петров Сергей Юрьевич – старший технический переводчик в компании ЗАО «Сервис-Газификация», Екатеринбург, на проекте строительства ЭЛОУ/АВТ «Газпромнефть-ОМПЗ»
г. Омск, Россия.
E-mail: sypetrov@mail.ru

Authors of the publication

Petrov Sergey Yurievich – Senior Technical Translator in Servis-Gazifikatsiya ZAO, Ekaterinburg, at “Gazpromneft” CDU/VDU construction project
Omsk, Russia.
E-mail: sypetrov@mail.ru